

УДК: 811.161.1811.11

Муравьева Наталия Юрьевна

*кандидат филологических наук, доцент
кафедра теоретической и прикладной линг-
вистики Института лингвистики
Российский государственный гуманитар-
ный университет
г. Москва, Россия
natasha1000@mail.ru*

Muravyova Natalia

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Department of theoretical and applied
linguistics, Institute of linguistics
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

**ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ
(на материале переводов русских текстов на другие языки)**

В статье обсуждаются контекстные, не вошедшие в словари, значения конкретной лексики, возникающие в условиях репродуктивного регистра речи (отражающего ситуацию непосредственного восприятия). Доказывается языковая природа предрасположенности слова к перцептивно-контекстному значению на материале переводов русских текстов главным образом на английский и немецкий языки.

Ключевые слова: конкретная лексика, контекстные значения, перцептивность, репродуктивный регистр речи.

THE SPECIFICITY OF THE CONTEXT MEANINGS:
THE PERCEPTUAL POTENTIAL OF A SPECIFIC VOCABULARY
(on the material of translations of russian texts into other languages)

The article discusses the contextual meanings, not included in the dictionaries, of specific vocabulary that arise in the reproductive register of speech (which reflects the situation of direct perception). The author proves the linguistic nature of the word predisposition to perceptual and contextual meaning on the material of the Russian language and translations of Russian texts mainly into English and German.

Keywords: specific vocabulary, contextual meanings, perceptivity, reproductive register of speech.

Как известно, еще Ш. Балли впервые доказал, что любое высказывание содержит два типа информации: *диктум* (о чем говорится) и модус (как говорится) [1, с. 44].

Однако типология модусной информации была предложена несколько позже Н. Д. Арутюновой в связи с описанием сложноподчиненных и осложненных предложений:

- ✓ перцептивный (сенсорный) модусный план;
- ✓ ментальный модусный план;
- ✓ эмотивный модусный план;
- ✓ волитивный модусный план [2, с. 109].

Параллельно в коммуникативной грамматике Г. А. Золотовой было введено понятие коммуникативного регистра речи – текстового фрагмента, характеризующегося одним из модусов, при этом средства создания модусного смысла могут быть не только эксплицитными, но и имплицитными, как бы «растворенными» в текстовом отрезке [3, с. 29]. Коммуникативный регистр речи – это «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными задачами, располагающая определенным набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста» [4, с. 179]. Три типа регистра связаны коммуникативной задачей сообщить о чем-либо:

- ✓ репродуктивный регистр – это передача непосредственно воспринимаемого (на слух, зрительно, обонянием, тактильно, внутренними рецепторами и т.д.);
- ✓ информативный – это обобщение воспринятой информации, знание, полученное от других, мнение, выводы, оценка, интерпретация и т.п.;
- ✓ генеритивный – это максимально обобщенное оформление сообщаемого, преподносимого как общечеловеческий опыт или истина.

В данном исследовании основное внимание будет уделено репродуктивному регистру – соотносимому с заявленной в теме перцептивностью, то есть контекстам, передающим ситуацию непосредственного наблюдения, восприятия, рисующим действительность в конкретных чувственно воспринимаемых образах.

Языковые средства репродуктивного регистра речи представляют собой единство лексических и грамматических маркеров, причем лексические сводятся к словам, или содержащим бóльшую или меньшую перцептивно-модусную долю в своей семантике (первый тип), или предполагающим ее в качестве пресуппозиции к значению (второй тип):

1. Перцептивно-модусные предикаты (*видеть, смотреть, показать, виднеться, белеть*).

2. Изобразительные лексемы (*взметнуться, наохлиться, провиснуть*).

3. Потенциально-перцептивные лексемы (*идти, сидеть, стоять, толпа, колесо, аллея*) [5, с. 108–113].

Конкретная лексика, с одной стороны, и типична, и частотна в контекстах репродуктивного регистра, однако, с другой, она не может быть названа маркером контекста: лексемы конкретной семантики употребляются во всех регистрах, и потому не имеют репродуктивно-регистравой прикреплённости или обусловленности. Поэтому их место среди других средств репродуктивности может быть определено лишь в качестве потенциально-перцептивных лексических единиц, не более того.

Несмотря на явно периферическое положение конкретных лексем по отношению к собственно маркерам репродуктивности, анализ контекстов позволяет сделать крайне интересные наблюдения над контекстными изменениями значений слов этого типа.

Под контекстным значением в данном случае понимается то реализованное в конкретном тексте значение, которое по причине кажущейся нечастотности, неважности или, напротив, очевидности не получило лексикографической фиксации в основных толковых словарях. При этом основные типы перцептивно-контекстных значений можно свести к списку каналов восприятия (подтипы предлагаются по уже собранным на сегодняшний день примерам):

✓ Зрительные характеристики:

- цветовая характеристика;
- световая характеристика, связанная с яркостью, блеском;
- конфигурация, рисунок, траектория;
- большое расстояние до объекта наблюдения.

✓ Звуковые характеристики:

- громкость, интенсивность;
- быстрота или резкость;
- неспешность темпа, мелодичность;
- напряженность.

✓ Тактильные ощущения;

✓ Запах и т. д.

Механизмы формирования контекстных значений также разнообразны. Например, в тактильные ощущения могут трансформироваться слова со следующей исходной семантикой:

1. Мера длины: *Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут **на вершок** покрывали землю (Чехов)¹*;

2. Материал, вещество: *У шаткой пристани он развернул грохочущую цепь большой, тяжелой, **красного дерева** шлюпки... (Набоков)*;

3. Предмет (для которого характерно постоянная или временная тактильная характеристика): *Потом он повернул на середину реки, вляя между парчевых островов тины, и Машенька, держа в одной руке оба **конца мокрой** рулевой **веревки**, другую руку опускала в воду, стараясь сорвать глянцеви́то-желтую головку кувшинки (Набоков)*.

В первом примере *вершок* обозначает не точный параметр 4,4 см, и не переносное значение ‘небольшой’, а прочитывается прямо как чересчур большое количество иголок, причем измеряемое не на глаз, а тактильно: почва под ногами как бы пружинит.

Во втором примере *красное дерево* – это не только и, может быть, не столько цвет-оттенок, сколько (в соседстве с *большой* и *тяжелый*) вес: всем известно, что красное дерево обладает большой плотностью, а потому и тяжестью.

В третьем – вода течет по рукам героев, конечно, это вполне осязаемо, на что указывает не только прилагательное *мокрый*, но и существительное *вода* (исходное значение второго типа – вещество), и предметы, содержащие в себе или на себе воду: *концы веревки*.

В основу контекстного значения цвета могут лечь следующие типы номинаций:

1) явление природы, предмет, растение и т. д., связанное с цветом: *Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал **радугой** в сетях паука (Чехов)*;

2) материал: *Потом он повернул на середину реки, вляя между **парчевых**² островов тины... (Набоков)*;

3) действие: *...Я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид <...> с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе **заходившее** солнце (Чехов)*.

Первые два примера строятся на сравнении (*света, островов*) с природным явлением (*радуга* – атмосферное явление в виде семицветной дуги на

¹ В данном фрагменте и далее подчеркиванием выделены перцептивно-модусные и изобразительные лексемы, полужирным выделением обозначены перцептивно-контекстные средства.

² Сохранена орфография автора.

небосклоне) или типом ткани (*парчовый* – ткань с определенным узором). Однако в результате такого употребления в объектах сравнения предметная часть семантики исчезает: подчеркивается лишь многоцветие в первом случае и отливающая золотом узорчатость во втором.

В третьем примере причастие имеет значение движения: объект исчезает из нашего поля зрения за каким-либо препятствием. Однако герой не видит ни этот объект (солнце), ни скрывающее его препятствие (горизонт). Он видит *горящий* (оранжевые оттенки) *крест*, который отражает *заходившее*, то есть близкое к горизонту, закатное *солнце*. А закат опять же отсылает нас не к расположению объектов, не к наблюдаемому движению, а к цветовой характеристике – оранжевым оттенкам.

Уже было доказано, что, во-первых, не все лексические единицы конкретной семантики обладают способностью трансформировать свое значение, а также то, что не всегда слова, способные менять свое значение, будут трансформироваться в чувственный образ [6, с. 56–57]. Одновременно с этим крайне интересными представляются случаи несовпадения перцептивно-контекстных значений у семантически близких слов в разных языках.

Анализ переводов и их сравнение с исходным текстом помогает выявить подобные примеры. В частности, перевод фрагментов из повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант» на английский, немецкий и болгарский языки показал, во-первых, специфику русского существительного *перебор*, для которого только в русском языке, в отличие от других перечисленных, характерно перцептивно-контекстное звуковое значение. Во-вторых, специфику самого процесса перевода: уловив в тексте-первоисточнике контекстный смысл, переводчик пытается предложить читателю не буквальный перевод слова, а собственную интерпретацию, эксплицировав контекстный смысл и таким образом сохранив образность, не допустив ее потенциальной потери:

– *Под-дайте сли-пеньким... – К жуужжаншо колеса присоединился тихий перебор струн под пальцами юноши* (Короленко);

– *По-да-ре-те на сле-ти-те... Към бръмченето на колелото се прибавиха тихите звуци на струните изпод пръстите на младежа* (В. Короленко, Слепят музыкант (Етюд). Перевел с русского Асен Григоров. – София: Народна култура, 1974).

– *Erbarmt euch der Blinden... Zum Surren des Rades gesellte sich ein leises Klingen der Saiten unter den Fingern des Jünglingst* (Korolenko, W. G. Der blinde Musikant. – Kiew: Staatsverlag der nationalen Minderheiten, 1938).

– *“A-ahms for the bli-ind...” And as the chant continued, the youngest of the beggars joined the droning accompaniment with a soft thrumming of strings* (Korolenko, V. The blind musician. An Etude. Translated from the Russian by Helen Altschuler. – Moscow, 1978).

Причем если в немецком и болгарском языках в переводимый фрагмент добавляется существительное *звуки*, которое указывает на слуховой канал восприятия ситуации, то переводчик на английский язык использует слово *thrumming*, явно конкретизируя тип звуковой характеристики.

Соседний фрагмент из этой же повести обнаруживает перцептивно значимую особенность слова *рысь* в немецком языке по сравнению с русским:

– *Слепцы вышли на него и повернули вправо, когда сзади послышался топот лошадей...* (Короленко);

– *Die Blinden betraten die Strae und bogen rechts ab, als sich hinter ihnen das **Traben der Pferde**... vernehmen lie.*

Переводчик отказывается от бесспорно перцептивного по своей семантике существительного *топот*: конец предложения в немецком языке буквально можно перевести как ‘можно было услышать рысь лошадей’. В то время как для носителей русского языка *рысь* не является чем-то воспринимаемым на слух: попытки найти в Национальном корпусе русского языка примеры сочетания какого-либо из слуховых глаголов с этим существительным не увенчались успехом. Однако аналогичный поиск подобных сочетаний в немецком языке дал положительный результат, доказав неединичность подобных употреблений. Например: *Wenig aus den Wagen stecken, da können Sie die Rudel traben hören; sie ist uns hart auf den Fersen. Guido, noch immer ungläubig, steckte den Kopf aus der Kutsche; aber Entsetzen erfaßte den sonst so muthigen Mann, und mit den Worten: «Wir find verloren!» umklammerte er krampfhaft die Pistolen* (Ferdinand Stolle. Der Weltbürger: ein historischer Roman aus den Jahren 1830–1832, Т. 3). В то время как словари не описывают звуковых значений у этого слова, предлагая в качестве переносных лишь те, что связаны с медленным темпом [7].

Возможно, в какой-то момент можно предположить необъективный характер подобных сравнений, поскольку переводчик, возможно, не обязан быть заложником идей автора первоисточника, вполне имеет право добавлять в перевод новые собственные смыслы, выступая как бы соавтором. И тогда становятся сомнительными выводы о контекстном потенциале слов, опирающиеся исключительно на изменение лексического состава в тексте-переводе. Однако и анализ относительно редких случаев авторских переводов на другой язык приводит к уже сформулированным результатам.

В частности, перевод романа В. В. Набокова «Машенька» был выполнен с участием автора (Nabokov, V. V. Mary. Translated from the Russian by Michael Glenny in collaboration with the Author). Можно привести множество примеров из этого текста, в которых задуманный образ сохраняется в переводе, однако в ряде случаев средства выражения существенно меняются как на лексическом, так и на грамматическом уровне: например, творительный падеж сравнения превращается в сравнительную конструкцию; *павлиньи глаза* заменяются *пятнами*; из нарочитого сталкивания двух значений в одном слове (*дышащая блуза*) выбирается более важное (первое, буквальное) и т.д.:

...где на воде <u>черными навлиньими глазами</u> <u>отражались густые</u> ольхи...	...where <i>dense alder shrubs cast reflections like black eye-spots upon the water</i> ...
...он то откидывался, то подавался вперед, и Машенька, сидевшая против него у руля, то отдалялась, то приближалась в своей <u>синей</u> кофточке, раскрытой на легкой, дышащей блузке.	...and as he leaned back, then stretched forward, Mary, facing him in the stern, alternately moved away and drew closer in her <u>navy-blue</u> jacket, open over a light blouse that breathed with her.

При этом в соседнем фрагменте сравнительный анализ приводит к более интересному результату. Поодаль **ровно шумели шлюзы водяной мельницы**; вдоль **белых складок спадающей воды рыжеватым золотом отливали подплывшие стволы сосен**. В этом предложении не только много перцептивно-контекстных показателей звука (*шлюзы, водяная мельница, ровно, спадающая вода*), но и содержится ряд средств, указывающих на световые и цветовые характеристики (*складки воды, спадающая вода – белый цвет пены, стволы сосен – коричнево-рыжеватый оттенок, отливать – блеск, часто связанный с идеей отражения*). Однако в переводе на английский язык все конкретные лексемы первой части сохранены: можно сделать вывод, что и в английском языке близкая по смыслу лексика обладает тем же перцептивным потенциалом.

Но глагол *отливать* из второй половины предложения воспринят переводчиком как указание на блеск – и в переводе дана лексема *sheen*. В то время как следующий после нее контекст в русском языке передает ситуацию отражения в воде деревьев, стоящих на берегу, а в английском – сцену сплава леса по реке...: *From some distance came the steady roar of the sluice gates at the water mill; one could distinguish the foamy folds of the falling water and the russet-gold sheen of pine logs that floated near*. Переводчик явно не увидел контекстного значения ‘*отражение*’ в русском глаголе *отливать*. Не осознал, что причастие *подплывшие* передают не движение самих сосен, а движение воды: спущенная лодка, зашедшие в нее герои создают небольшую волну. Как следствие этого непонимания и отсутствия такого контекстного значения у глагола *sheen* – появление бревен, их буквальное плавание. Видимо, Набоков пропустил этот фрагмент. Невозможно предположить, что катание на лодке молодых людей в начале XX века планировалось среди сплавляемых бревен, по сюжету герои наслаждаются видами на берегу, рассматривают островки тины, рвут кувшинки и невредимыми возвращаются к берегу. Также целыми остаются шлюзы и водяная мельница. Кстати, возвращение обыгрывается Набоковым также через движение леса: *А потом спустился к самой реке с обеих сторон темный бор, и лодка с мягким шуршанием въехала в камыши*.

Таким образом, контекстные значения существуют в качестве некоторой потенциальной предрасположенности слова реализовывать определенный круг значений в условиях определенного контекста. Анализ контекстов

репродуктивного регистра речи позволил понять, что круг значений будет индивидуален, может не совпадать у слов с близким значением, особенно у лексических единиц в разных языках. Также анализ свидетельствует, что знания об основных типах трансформации значений в подобных контекстах актуальны и для изучающих язык как иностранный, и для профессиональных переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.
4. Онипенко, Н. К. Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой. – М. : УРСС, 2002. – С. 178–184.
5. Муравьева, Н. Ю. Категория перцептивности и русский глагол. Лексико-семантический аспект / Н. Ю. Муравьева. – М., 2017. – 268 с.
6. Муравьева, Н. Ю. Перцептивность как текстовая категория : лексические средства и роль синтагматики в трансформации значений // Kalba ir kontekstai / Language in different contexts. Research papers 2018. – Vol. VIII (I). – Vilnius, 2018. – С. 50–69.
7. Duden. Das groÙe Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bänden. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1999. – Band. 9.